

Еще раз о китайской модели

Ответ на рецензию Э.Д. Понарина на книгу В.В. Попова «Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет» (Ереван: Фортис Пресс, 2025)

Попов В.В.¹

Попов Владимир Викторович — д.э.н., главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2025-3-2-123-129>

Все, кто читал рецензию² Эдуарда Дмитриевича Понарина, наверняка скажут, что наши объяснения китайского успеха скорее взаимодополняющие, а не взаимоисключающие. Но, как говорится, есть нюансы: Понарин, как социолог, выдвигает на первый план историко-культурные факторы в противовес экономическим. Грубо говоря, он ставит во главу угла длительную стабильную историю государства — именно она, считает он, формирует сильные институты и приводит к экономическому успеху.

«...Само по себе длительное существование стабильного государства создает устойчивые и самовоспроизводящиеся государственные институты, — пишет он, — то, что можно назвать государственным инстинктом или инерцией — причем чем дольше существует стабильное государство, тем сильнее эти институты... Те же расчеты показывают, что древность стабильного государства статистически связана не только с низким уровнем убийств и т. п., но и с экономическим ростом во второй половине XX в. И не случайно, что именно государства Восточной Азии могут похвастаться длительной непрерывной историей».

В моем же представлении длительное существование стабильного государства, возможно, и способствует экономическому прогрессу, но само по себе является

¹ Автор благодарен Э.Д. Понарину и сожалеет, что ограничения по объему настоящей статьи не позволяют ответить на ценные замечания оппонента о ценностных ориентациях в разных странах мира, в частности по измерению «индивидуализм-коллективизм». Возможно, в следующей статье.

² Понарин Э.Д. О китайской модели экономического развития, истории государства и ценностных установках // Современная мировая экономика. Том 3. № 1(9). С. 132–139. Режим доступа: <https://cwejournal.hse.ru/article/view/27786>

результатом низкого неравенства — фундаментальной основы «азиатских ценностей» (примата интересов коллектива над индивидуальными), «китайской модели» или «китайского пути развития», при котором сохраняется социальная гармония и институциональный потенциал государства [Роров 2020].

Наши разногласия

Неравенство до XVI в. везде было относительно низким — иначе трудно было выжить в тогдашнем мире повсеместной бедности (всего порядка 500 долл. подушевого ВВП по паритету покупательной способности в долларах 1990 г.). Впервые неравенство стало систематически расти при разрушении общины и огораживании в Англии, а затем и во всей Северо-Западной Европе в XVI–XVIII вв.: это позволило резко поднять норму сбережений и инвестиций и добиться кардинального ускорения роста (перейти к капитализму), но только ценой поляризации общества, подрыва институционального потенциала и даже длительного сокращения продолжительности жизни (часть II книги)³. Некоторые развивающиеся страны затем встали на этот же путь со схожими результатами (ускорение роста, но и повышение неравенства и социальной напряженности), а другие, как Восточная Азия, несмотря на навязываемую извне вестернизацию, сумели избежать роста неравенства и повысили сбережения и инвестиции только позже, во второй половине XX в., но с большей эффективностью и более впечатляющими результатами.

Это, конечно, грубая схема, но такая, которая позволяет выделить главное. Китай — самый яркий пример, причем совсем не очевидно, что «стабильное государство» здесь долго существовало. Китай завоевывался два раза — монголами в XII в. и маньчжурами в XVII в., причем оба завоевания привели к основанию новых династий. А уж восстаний с распадом страны в китайской истории больше чем достаточно. Вестернизация Китая после «опиумных войн» середины XIX в. сразу же вызвала широкомасштабное сопротивление — Тайпинское восстание (1850–1864) и Боксерское восстание (1898–1901). Оба восстания были подавлены с помощью западных армий, в 1915–1927 гг. произошел фактический распад страны, началась гражданская война между Гоминьданом и КПК, продолжавшаяся до 1950 г. одновременно с антияпон-

³ Это объяснение, предлагаемое в книге, расходится с основными теориями в литературе. Традиционная трактовка ([Landes 1998; Mokyr 2002; Мокир 2012] — пожалуй, самые известные современные работы) состоит в том, что отдельные социальные новации или же вся их совокупность незадолго до и сразу после XVI в. привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций — отмена крепостничества и личная свобода, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями и т. д.

Сторонники другого подхода ([Diamond 1997; Даймонд 2010; Pomerantz 2000; Померанц 2017] — опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых различий в развитии Запада и Востока до XVIII в. не было. Даже в XVIII в., считает Кеннет Померанц, Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств — наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

ской войной 1937–1945 гг. После начала вестернизации в середине XIX в. и до создания КНР в 1949 г. в Китае едва ли можно насчитать и три десятилетия мирного развития.

И не долговременная стабильность государства, а восстановление сильных госинститутов после социалистической революции 1949 г. (Революции Освобождения, как ее называют в Китае) запустило механизм роста. Таких сильных институтов в стране не было как минимум с середины XIX по середину XX в., ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, обеспечив закон и порядок, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире, гарантировав права хозяйственных субъектов, предоставив общественные блага и добившись неукоснительного исполнения собственных указов и предписаний.

Впервые в китайской истории центральная власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как Коммунистическая партия Китая (КПК) опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что В.В. Путину, но даже и Цинь Шихуанди. Собираемость налогов центральным правительством выросла с 3% ВВП в XIX в. и не более 5% при Гоминьдане до 20% ВВП в 1978 году [Lu 1999]. Уровень преступности в Китае в 1970-х гг. был одним из самых низких в мире, теневой экономики в Китае практически не существовало, а коррупция, даже по оценкам Transparency International⁴, организации, не слишком благоволящей коммунистическим странам, в 1985 г. была самой низкой в развивающемся мире.

Тем временем оказалось, что западный путь форсированного развития на основе отказа от коллективных ценностей, ставки на индивидуальные интересы («неотъемлемые права человека») и сопутствующего роста неравенства, по сути, является тупиковым. Это была своего рода фаустовская сделка с дьяволом — за быстрый рост в течение почти пяти столетий пришлось заплатить разрушением механизмов, гарантирующих выживание цивилизации. Сегодня либеральная западная модель испытывает нарастающие трудности из-за неспособности ограничить права человека в самых разных областях (рост неравенства, вызванный отказом от прогрессивного налогообложения и активного регулирования доходов, разрушение окружающей среды и истощение ресурсов, неконтролируемый популизм в медиапространстве и в политике). Все это стимулирует внутренние конфликты, снижает конкурентоспособность и вызывает отставание от стран, более решительно ограничивающих права индивидуумов ради общего блага. Либеральный Запад начинает проигрывать коллективистской Восточной Азии, мусульманскому Востоку и отчасти Южной Азии в экономическом и социальном прогрессе.

Неравенство в Китае низкое?

Вопреки распространенному убеждению в Китае и Восточной Азии неравенство сегодня оказывается ниже, чем в других странах, если только правильно проводить

⁴ Признана нежелательной организацией на территории Российской Федерации. — *Прим. ред.*

сравнения — с поправками на размер страны и уровень развития [Попов 2025, часть IV; Porov 2020; Porov 2022].

Да, в Китае коэффициент Джини составляет практически столько же, сколько в США и ЕС (если ЕС рассматривать не как совокупность стран, а как одну территорию)⁵. Но, как объясняется в книге, неравенство в Китае в основном связано с различиями в доходах *между* провинциями (24 процентных пункта), как и в Европе — *между* странами (23 процентных пункта), а не с различиями в доходах *внутри* провинций/стран. В США же из более 40% общего коэффициента Джини лишь 6 процентных пунктов связано с неравенством в доходах *между* штатами [Milanovic 2012]. Если Китаю удастся сократить разрыв в доходах *между* своими провинциями (а ЕС — *между* странами) до уровня, близкого к неравенству *между* штатами США, тогда общее неравенство между гражданами упадет до довольно низкого уровня — немногим более 20%.

Разрыв в доходах рабочих и менеджеров — еще одна важная ипостась неравенства. Во многих производственных кооперативах в западных и развивающихся странах существует формальное правило — самая высокая зарплата не должна превышать минимальную более чем в 10 раз. В социалистических странах такое неформальное правило фактически действовало в масштабах страны (за немногочисленными исключениями — авторские гонорары, зарплаты актеров, музыкантов и проч.). Но сегодня в западных странах этот разрыв может достигать космических пропорций. Вознаграждение топ-менеджеров крупнейших компаний, как частных, так и государственных, составляет несколько десятков миллионов долларов в год в США и чуть меньше — в России. Однако в Европе доходы топ-менеджеров значительно меньше, а в Китае — еще меньше⁶.

Кроме того, и «олигархоемкость» (отношение богатства миллиардеров к ВВП), измеряющая неравенство на самом верху имущественной пирамиды, в Китае ниже, чем в большинстве других стран. Согласно журналу *Forbes*, в 2024 г. в мире насчитывалось почти 2800 долларовых миллиардеров: 813 в США (их общее состояние 5,7 трлн долл., или 22% ВВП по ППС), 406 в Китае (1,3 трлн, 4% ВВП), 200 в Индии

⁵ Многие провинции в Китае больше крупных и средних государств — и по населению, и по площади, и по экономическому потенциалу. Население двух китайских провинций (Гуандун, Шаньдун) превышает 100 млн человек, население провинции Хэнань — 99 млн. Еще в нескольких провинциях проживает более 50 млн человек (т.е. больше, чем в большинстве штатов США и государств Европы). Так что Китай следует сравнивать с США (имеющими в четыре раза меньшее население, но по крайней мере сопоставимый с Китаем ВВП) или с регионами, состоящими из нескольких государств (например, ЕС или АСЕАН), а не с отдельными странами.

⁶ 10 самых высокооплачиваемых американских топ-менеджеров получали от 47 млн до 156 млн долларов в 2014 г. (<http://www.aflcio.org/Corporate-Watch/Paywatch-2014/100-Highest-Paid-CEOs>). В России самый высокооплачиваемый управленец — Андрей Костин, президент ВТБ, заработал 37 млн долларов в 2013 г., Алексей Миллер — 25 млн (<https://www.forbes.ru/rating-photogallery/273703-25-samykh-dorogikh-top-menedzherov-rossii-i-igor-sechin-reiting-forbes>). В континентальной Европе вознаграждения на порядок меньше, в Китае — на два порядка (http://www.china.org.cn/top10/2012-07/10/content_25855492.htm). Отношение оплаты труда высших менеджеров к средней по компании составляло в США от 400 до 500, в Великобритании — 22, во Франции — 15, в Германии — 12 (<http://work.chron.com/ceo-compensation-vs-world-15509.html>). Во Франции и Германии существуют законодательные ограничения на оплату топ-менеджеров.

(944 млрд, 7% ВВП), 132 в Германии (644 млрд, 12% ВВП) и 120 в России (537 млрд, 9% ВВП); в остальных странах менее 100.

Неравенство и институты

Неравенство же в распределении доходов, как известно, связано с подрывом качества институтов, если измерять это качество объективными показателями — уровнем преступности и долей теневой экономики [Роров 2011; Роров 2014]. Число убийств в расчете на 100 000 жителей в Китае — 0,6 против 5–6 в США и нескольких десятков (за немногим исключением) в Африке южнее Сахары, Латинской Америке и многих бывших советских республиках — как говорится, почувствуйте разницу. Китай по этому показателю ближе к Европе, Восточной и Южной Азии (кроме Филиппин) и Ближнему Востоку (от менее одного до нескольких человек на 100 000 жителей).

Когда западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она привела к росту неравенства и повышению нормы накопления, но также и к снижению качества институтов (рост социальной напряженности, преступности, теневой экономики), что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Развивающиеся страны, следовавшие по западному пути в XVIII–XX вв., испытали некоторый рост, но догнать Запад так и не смогли, хотя и заплатили ту же фаустовскую цену.

По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с душевым ВВП, плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм увеличивал коэффициент Джини на 13 процентных пунктов. В Латинской Америке реконструированный на основе этих регрессий коэффициент Джини вырос с 22,5% в 1491 г. до более 60% в 1929 г. [Williamson 2009]⁸.

Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная и Южная

⁷ ВВП по ППС в России в 2022 г., по новому расчету Всемирного банка, 6 трлн долл. — вдвое больше, чем по предыдущему расчету (и олигархоёмкость, по предыдущему расчету, вдвое больше — почти 20% ВВП).

⁸ По мнению Понарина, «обобщенное утверждение Попова о том, что вестернизация портила институты, увеличивая неравенство (а с ними — преступность и коррупцию), вероятно, приложимо только к странам, имевшим сильные доморощенные институты (наверное, к тому же Китаю), но вряд ли, например, к экваториальной Африке, где институты были племенными, а не государственными».

Но есть и аргументы в пользу того, что и в Африке, и в других странах, где часто государства еще не сложились, колониализм разрушал и общинно-племенные институты. Доказательство — случаи массового голода после прихода колонизаторов в Африку и Индию, не наблюдавшиеся в таких масштабах до колониализма (хоть производство продовольствия выросло, но распределение его стало более неравномерным из-за разрушения общины). Даже в Китае столетие вестернизации принесло увеличение голодных смертей: В Китае в 1644–1795 гг. в среднем в год от голода погибало 8000 человек, в 1796–1871 — 57 000, в 1871–1911 — 325 000, в 1911–1947, уже в период Республики, — 583 000. Только один голод 1876–1879 гг. унес жизни 10 млн человек — вдвое больше, чем все случаи голода с 1644 г. ([Попов 2025] — подсчеты Минфан Ся, цитируемые в: [Pomerantz 2008. P. 91]).

Азия, Ближний и Средний Восток), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX в., однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI–XX вв. позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки — повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Доходное и имущественное неравенство в этих странах, особенно при поправке на размер и уровень развития, было значительно ниже, чем в вестернизированных Латинской Америке и Африке южнее Сахары, доля госрасходов и госпотребления в ВВП (опять-таки при контроле на размер и уровень развития) — значительно выше, уровень убийств и теневой экономики значительно ниже [Попов 2012; Попов 2025; Роров 2014; Роров 2020; Роров 2022; Роров 2023].

Да, эти развивающиеся страны (Восточная и Южная Азия, Ближний и Средний Восток), оставшиеся на своей традиционной траектории, задержались на старте, практически не росли до середины XX в. (так что разрыв с Западом постоянно нарастал), но сохранили низкое неравенство и институциональный потенциал, так что когда оказалось возможным поднять наконец уровень сбережений и инвестиций без увеличения неравенства и запустить механизм роста, стали расти быстрее всех остальных, так как сохранили относительно низкое неравенство и сильные госинституты. Настала эпоха «экономических чудес» — бурного догоняющего развития, которое и не снилось ни Западу, ни первой группе развивающихся стран, повторивших западный путь.

Китай и при Мао рос быстрее других — несмотря на «большой скачок» конца 1950-х и «культурную революцию» 1966–1976 гг., китайская экономика, хоть и испытывала временные спады, в целом росла так, что в среднем за три десятилетия дореформенного периода (1949–1978) вышло примерно 5% роста в год. Немногие развивающиеся страны могут похвастаться таким быстрым ростом в течение целых 30 лет. А с конца 70-х годов Китай переживает действительно беспрецедентный рост, не имеющий аналогов в мировой экономической истории. Китаю (а раньше другим странам и регионам, основанным на китайской культуре — Японии, Корее, Тайваню, странам Юго-Восточной Азии) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7–10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий.

В итоге Восточная Азия во второй половине XX в. стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 1950–1970-е гг., казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке — после долгового кризиса начала 1980-х гг., в СССР и Восточной Европе — в 1990-е гг., когда они пережили падение производства, сравнимое только с Великой депрессией 1930-х гг.

Подчеркнем еще раз — до середины XX в. ни одна страна не поддерживала темпы роста 10% в год в течение нескольких десятилетий, Запад разбогател постепенно,

подняв темпы роста душевых доходов до 1–2% в год, только после завершения промышленной революции и поддерживая эти темпы более столетия. А Восточная Азия прошла этот путь за несколько десятилетий, совершив беспрецедентный бросок из бедности и отсталости в современный мир.

Библиография

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: АСТ, 2010.

Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

Попов В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №3 (15).

Попов В. Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Ереван: Fortis Press, 2025.

Diamond J. Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies. New York: W.W. Norton, 1997.

Landes D. Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor? New York: W.W. Norton, 1998.

Lu A. China and the Global Economy Since 1840. New York: St. Martin's Press, 1999.

Milanovic B. Does economic inequality set limits to EU expansion? Conference on Sovereign Insolvency, Opatija, Croatia, November 2012.

Mokyr J. The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

Pomerantz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.

Popov V. Developing New Measurements of State Institutional Capacity // PONARS Eurasia Policy Memo. 2011. No 158. May. Режим доступа: https://ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_158.pdf.

Popov V. Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Popov V. Which economic model is more competitive? The West and the South after the Covid-19 pandemic // Seoul Journal of Economics. 2020. Vol. 33. No 4. P. 505–538.

Popov V. Why Europe looks so much like China: Big government and low income inequalities // Asia and the Global Economy. 2022. Vol. 2. Issue 1. January.

Popov V. Why the rich and the poor value freedom and equality differently. MPRA Paper No 116563. 2023. March.

Williamson J. G. History without Evidence: Latin American Inequality since 1491 // NBER Working Paper. 2009. No 14766. Режим доступа: <https://doi.org/10.3386/w14766>